

и Шварну: «Аще вы будете у мене, вам ездити к ним (татарам); ажели аз буду. . .» (стр. 561), уже отчетливо ощущается рука волынского летописца.

* *
*

Волынская летопись замечательна прежде всего единством своих политических симпатий и антипатий. Вся она, от начала до конца, проникнута местными интересами: предметом ее внимания являются прежде всего волынские князья, их дела и дни. Эта «волынская» тенденция в особенности отчетливо выступает на фоне летописи Данила Галицкого.

Центральный герой последней — Данил Романович здесь явно отступает в тень. Излагая события 1259—1264 гг., волынский летописец не раз упоминает о Даниле почтительно, но сдержанно. Характерный для его предшественника образ Данила — «рыцаря без страха и упрека» — под пером волынского летописца заметно бледнеет. Показателен в этом отношении уже начальный рассказ летописца — о втором нашествии Бурандая: узнав об «опале Бурандаевой», Данил «убоявся побеже в Ляхы, а из Ляхов побеже во Угры» (стр. 562). Краткий некролог Данила (стр. 570) банален и не идет дальше обычных в некрологах такого типа похвальных эпитетов («добрый, «хоробрый», «мудрый»); автор хвалит Данила за то, что он города ставил, церкви украшал; в особенности же хвалит Данила за то, что он любил брата Василька.

Почтительное отношение к Данилу переходит у волынского летописца в критику и даже откровенно враждебное отношение, когда речь у него идет о сыновьях Данила, Льве и Шварне, и о внуке Юрии Львовиче.

Хитрый, жадный, мстительный — таков Лев Данилович в изображении волынского летописца. Он осуждает Льва за убийство Войшелка: «дьявол же исконе не хотя добра человеческому роду, и вложи во сердце Лвови, уби Войшелка завистью, оже бяшет дал землю Литовскую брату его Шварнови. . .» (стр. 573). Рассказывая об объединенном походе русских князей в конце 1275 г. на Литву, автор сурово порицает Льва за то, что он, когда полки стояли у Новгорода, «лесть учини межи братьею своею, — утаився Мстислава и Володимера, взя околный город с татары» (стр. 576); «И гневахуся вси князи на Лва» за то, что поход на Литву по его вине был сорван. Когда в 1279 г. умер краковский князь Болеслав, Лев «восхоте себе» Лядской земли, но местные бояре «не даша ему земле». С осуждением пишет летописец и о том, что Лев не покинул своих намерений и тогда, когда краковский стол занял Лешко Казимирич. Желая «собе части в земле Лядьской», Лев обратился за содействием к Ногаю «оканьному, проклятому». Зимой 1279 г. Лев вместе с татарской «помощью» пошел в Польшу; к походу вынуждены были присоединиться Мстислав Данилович, сын его Данило, Владимир Василькович («пойдоша неволею татарьскою»). Летописец явно не сочувствует этому походу. На Краков Лев пошел «с гордостью великою» (стр. 581). Поход Льва закончился полной неудачей («бог учини над ним волю свою»): Лев и его полки были разбиты (23 февраля 1280 г.) и он вернулся назад «с великим безчестьем» (стр. 582). Мечь Лешка Казимирича Льву («взя у него город Перевореск») отмечается как заслуженная кара за «гордость». С осуждением рассказывает летописец и о том, как Лев в 1288 г. «хитростью» пытался выпросить себе у больного Владимира Васильковича Берестье (стр. 600—601). Только один раз дал летописец Льву положительную характеристику. В 1289 г. Лев принял участие в войне за Краков Болеслава Семовитовича с Генрихом Вроцлавским. Болеслав был рад помощи Льва: «зане